

ПРИЛОЖЕНІЕ

Нижеслѣдующія примѣчанія относятся къ тѣмъ словамъ текста книги, при которыхъ поставлены маленькія цифры.

1) Страница 9-я; см. выноску.

Имя дѣтямъ даетъ обыкновенно отецъ или глава семейства, но обычай позволяетъ просить объ этомъ также какого-либо друга его или патрона. Такъ какъ еще до недавняго времени имя, данное ребенку въ младенчествѣ, не было для него обязательно въ теченіе всей его жизни, то обрядъ этотъ не имѣлъ такого значенія, какое имѣетъ у насъ. Въ нѣкоторыхъ семействахъ мальчиковъ называли именами, указывающими на порядокъ старшинства ихъ среди братьевъ; такъ напримѣръ: Таро, что значитъ большой; Жиро—второй; Сабуро—третій; Широ—четвертый; Горо—пятый и т. д. Имена эти давались или отдѣльно, или въ соединеніи съ эпитетами, указывающими на желательныя качества ребенка. Напримѣръ, Еитаро—знаменитый большой; Сеижирос—чистый духомъ второй; Томисабуро—богатый третій и т. д.

2) Страница 9-я.

Мійя-маири мальчика совершается въ тридцать первый день его жизни, а дѣвочки—въ тридцать третій день.

3) Страница 12-я.

Въ Токио теперь замѣтно стремленіе измѣнить національный способъ ношенія дѣтей. Въ магазинахъ этого города уже выставляются въ большомъ числѣ весело окрашенные плетенныя дѣтскія колясочки, съ бумажнымъ тентомъ, а на улицахъ можно встрѣтить матерей и сестеръ малютокъ, даже изъ низшихъ классовъ, везущихъ ребятъ въ маленькихъ четырехколесныхъ колясочкахъ, вмѣсто того чтобы нести ребенка за

спиной, какъ прежде. Эти колясочки, конечно, пока еще исключеніе и могутъ оказаться только преходящей токійской модой; но онѣ, на мой взглядъ, указываютъ на новый разумный шагъ современной Японіи въ строѣ ихъ домашняго обихода и могутъ сослужить добрую службу въ дѣлѣ физическаго развитія простаго народа.

4) Страница 16-я; см. выноску.

Въ Токио въ 1891 году мясниковъ и молочниковъ было очень мало, такъ какъ спросъ на ихъ товары исходилъ главнымъ образомъ отъ нѣсколькихъ иностранныхъ семействъ и иностранныхъ ресторановъ въ городѣ. Но въ 1901 году на протяженіи полумили на Кожимачи—одной изъ главныхъ торговыхъ улицъ въ чисто японской части города—было уже пять мясныхъ лавокъ. А молочники, хотя и въ соломенныхъ сандаляхъ, но въ костюмахъ по западному фасону, въ брюкахъ, подобранныхъ въ высокіе чулки возятъ свои ярко разукрашенные телѣжки, по всему городу и зазываются во многие дома. Кромѣ того, на полкахъ каждаго магазина съѣстныхъ припасовъ можно найти сгущенное молоко и мясные консервы; рестораны съ иностранною кухней разбѣяны по всему городу и дѣлаютъ хорошіе обороты.

Экономные сельскіе жители говорятъ, что «Токио ѣсть самъ себя», но до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не видно, чтобы граждане столицы страдали задолженностью. Интересно замѣтить, что кожныя пораженія у дѣтей, о которыхъ говорится на стр. 11-й книги, значительно уменьшились за послѣднія десять лѣтъ,—по причинѣ ли перемѣны пищи или подѣ влияніемъ какихъ либо другихъ факторовъ, я не рѣшаюсь утверждать.

5) Страница 26.

Наша маленькая дѣвочка, послѣ мійя-маири въ ея младенчествѣ, должна еще два раза испрашивать въ храмѣ у покровительствующаго ей божества благословеніе своего жизненнаго пути: разъ въ возрастѣ трехъ лѣтъ, когда ей уже разрѣшается подбирать на своей маленькой головкѣ сбивавшіеся до тѣхъ поръ волосы въ женскую прическу; и другою разъ—когда она достигаетъ возраста семи лѣтъ—при замѣнѣ мягкаго узкаго пояса широкимъ оби, который составляетъ гордость всякой «умѣющей одѣваться» японки. Ея маленькій

братъ,—хотя и не обреченный нынѣ, какъ это было прежде, на ношеніе атрибутовъ японскаго воина старыхъ временъ, и хотя его головка остается нынче часто небритой съ дѣтства,—все-таки долженъ, по достиженіи трехлѣтняго возраста, поблагодарить въ храмѣ бога за дарованіе ему возможности прожить до сихъ поръ; и затѣмъ, когда онъ достигнетъ пятилѣтняго возраста,—надѣвая на этотъ разъ впервые гакама или юбообразныя брюки,—онъ снова долженъ совершить въ храмѣ благодарственную молитву, сопровождая ее какимъ-нибудь приношеніемъ.

Для такихъ церемоній назначено 16-е ноябрю, и въ этотъ день популярный храмъ въ Японіи представляетъ на рѣдкость интересное зрѣлище. Всѣ улицы, ведущія туда, наполнены разодѣтыми дѣтьми, съ нѣкоторой гордостью идущими въ храмъ въ сопровожденіи своихъ родителей и родственниковъ. Невыразимо живописны толпы трехлѣтнихъ ребятъ обоого пола, пятилѣтнихъ краснощекихъ мальчугановъ, шумящихъ шелковой гакама, и граціозныхъ семилѣтнихъ дѣвочекъ въ разноцвѣтныхъ платьяхъ и пышныхъ новыхъ оби, такъ отбѣняющихъ ихъ черные волосы и блестящіе глазки. Каждый ребенокъ гордится, что сегодня онъ старше, чѣмъ былъ вчера. и это чувство написано на всѣхъ комически важныхъ дѣтскихъ личикахъ.

Въ предѣлахъ храма кондитеры и продавцы игрушекъ ведутъ бойкую торговлю. Флаги развѣваются, барабаны шумятъ, а въ бесѣдкѣ, окруженной толпами дѣтей, щебечущихъ, какъ воробьи, происходитъ танецъ кагура. Лѣстницы, ведущія въ самый храмъ, кишатъ поднимающимися и спускающимися малютками.

Маленькая компанія собирается сначала въ вестибюль, затѣмъ идетъ въ первую комнату къ священнику, гдѣ дѣти, совершивъ поклоны и сдѣлавъ обычныя приношенія, ждутъ, пока не очистится мѣсто во внутреннемъ святилищѣ, откуда слышно пѣніе; и когда оно кончается, то оттуда выходитъ толпа маленькихъ богомольцевъ съ тѣмъ, чтобы впустить вмѣсто себя другую; молитва каждой группы дѣтей продолжается всего нѣсколько минутъ, затѣмъ они получаютъ амулеты, вознаграждающіе ихъ за сегодняшний обрядъ, и тогда уже свободны смотрѣть на вышеупомянутые танцы или покупать о мія джи, а затѣмъ—возвратиться вечеромъ домой, полныя счастливыхъ впечатлѣній послѣ столь радостнаго и знаменательнаго дня.

6) Страница 32-я.

Широцаке (бѣлое сакѣ),—интересное питье, густое и бѣлое, приготовляющееся специально для этого праздника из растертаго риса. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это просто прежній видъ сакѣ, національнаго напитка, сохранившійся въ этомъ древнемъ обрядѣ.

7) Страница 33-я.

Обычай празднованія третьяго дня третьяго мѣсяца — весьма древній. Сначала этотъ день предназначался специально для очищенія народа, причѣмъ часть церемоніи состояла въ натираніи тѣла кусочками бѣлой бумаги, вырѣзанными такъ, что они напоминали видъ священника въ бѣлой одеждѣ. Было повѣрье, что эти бумажныя куклы снимаютъ съ натирающагося ими вѣрующаго грѣхи, совершенные за годъ. Послѣ такого употребленія бумажекъ, на нихъ надписывались полъ и годъ рожденія «очищеннаго» ими, и онѣ бросались въ рѣку. Въ прежнее время въ теченіе третьяго мѣсяца въ году происходили также пѣтушьи бои для мужчинъ и праздникъ куколъ для женщинъ. Куклы этого праздника носили специальное имя О Хина Сама. Теперь хина на современномъ японскомъ нарѣчій значитъ цыпленокъ или другая какая либо маленькая птичка, но употребляется только въ примѣненіи къ кукламъ; такимъ образомъ послѣднія какъ будто имѣли какое-то отношеніе къ пѣтушьямъ боямъ, распространеннымъ въ древности, а теперь почти выведеннымъ, за исключеніемъ провинціи Тоза на островѣ Шикоку.

Самыя старинныя куклы не были изображеніями императора и императрицы, а представляли собой обыкновенныхъ смертныхъ и были похожи на бумажныя куклы описанной сейчасъ религіозной церемоніи. Когда شوгуны Токугава упрочили положеніе своего блестящаго двора въ Іеддо, то былъ изданъ декретъ, опредѣляющій пять праздничныхъ дней, на которыхъ даими должны были присутствовать сами во дворцѣ شوгуна для приношенія ему поздравленій. Одинъ изъ упомянутыхъ дней приходился въ третій день третьяго мѣсяца. Полагаютъ, что отведеніе главнаго мѣста на праздникъ изображеніямъ императора и императрицы входило въ политику шогуната,—политику, которая имѣла цѣлью поддерживать духъ преданности трону, хотя въ то же самое время возсѣ-

давший на тронѣ оставался куклой въ рукахъ своихъ вице-регентовъ.

Каждая дѣвочка въ семьѣ имѣетъ двѣ О Хина Сама, ставящіяся на красную полку въ первый праздникъ куколь, наступающей послѣ ея рожденія. Переселяясь впослѣдствіи въ домъ своего мужа, она уноситъ куклы съ собою и первый праздникъ куколь послѣ своей свадьбы соблюдаетъ съ особенными церемоніями. До тѣхъ поръ, пока ея дочь не подрастетъ настолько, что будетъ въ состояніи совершать церемоніальные обряды, мать должна дѣлать это сама. Праздникъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ, по толкованію японцевъ, служить тремъ цѣлямъ: онъ способствуетъ воспитанію въ дѣтяхъ обоихъ половъ преданности императорскому семейству; онъ возбуждаетъ интересъ въ дѣвочкахъ къ домохозяйству и онъ учитъ ихъ церемоніальному этикету.

8) Страница 40-я; см. выноску.

Вслѣдствіе сложности китайскаго языка и продолжительности времени, требующагося на его изученіе, въ Японіи возникло движеніе въ пользу уменьшенія или сокращенія курса этого языка въ правительственныхъ школахъ; многіе даже ратуютъ за то, чтобы отказаться отъ него совсѣмъ, упростивъ употребленіе идеографовъ въ синико-японскомъ языкѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія требуетъ, чтобы въ учебникахъ идеографы употреблялись возможно рѣже; чтобы и тѣ, которые употребляются, писались однимъ только способомъ, и притомъ простѣйшимъ, и чтобы кана (японскій алфавитъ) употреблялся, взамѣнъ того, вездѣ, гдѣ возможно. Для этой реформы предлагались разные планы, одинъ изъ которыхъ допускалъ идеографы только для мѣстоименій и нарѣчій.

9) Страница 41-я.

Тотъ, кто бывалъ въ Японіи, не могъ не замѣтить не то пронзительнаго и дребезжащаго, не то напеминающаго чревоушителей, голоса пѣвцовъ и пѣвицъ. Такое свойство послѣдняго приобрѣтается профессиональными пѣвцами путемъ большого труда и дѣйствительныхъ физическихъ страданій. Что это свойство не присуще японцу отъ природы, это ясно доказывается фактомъ, что въ разговорной рѣчи какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ голоса низки и пріятны. Мнѣ кажется,

что это вызвано преслѣдованіемъ въ Японіи ошибочнаго музыкальнаго идеала или идеала, во всякомъ случаѣ не имѣющаго ничего общаго съ музыкой Западнаго міра. Въ Японіи рѣдко можно видѣть пѣвчую птичку въ клѣткѣ. Но вмѣсто того повсемѣстно, и особенно на улицахъ Токио, въ лѣтніе вечера выставляются на продажу въ миниатюрныхъ клѣточкахъ сверчки, цикады, кузнечики и другіе шумливые члены царства насѣкомыхъ. Эти насѣкомыя улаживаютъ уши японца своею мелодіей, и мнѣ кажется, что ихъ тембра и характера, а не полныхъ нотъ пѣвчихъ птицъ, стараются придерживаться японскіе пѣвцы.

Введеніе европейской музыки путемъ школъ и церквей уже начало сказываться въ пѣннѣ дѣтей на улицахъ; и тогда какъ десять лѣтъ назадъ можно было прожить годы въ Токио, не слыша ни одного музыкальнаго звука,—за исключеніемъ полумзыкальныхъ криковъ рабочихъ, когда они ободраютъ свои согласныя усилія, на примѣръ, при подъемѣ какой либо тяжести,—теперь въ любой части города можно слышать, или на улицѣ, или изъ окна, музыкальную пѣсенку ребенка. Прогрессъ усвоенія идей Запада и въ этомъ направленіи прямо поразителенъ.

10) Страница 44-я.

Въ чрезвычайно изящныхъ японскихъ стихахъ говорится, что женщина, которая изучила чайную церемонію въ совершенствѣ, легко отличается превосходствомъ своихъ манеръ и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

11) Страница 49-я.

Съ какого бы растенія ученица ни начинала, она должна ознакомиться съ нимъ въ совершенствѣ, изучивъ его листья, цвѣты, корни и стебли. Въ тетради, которая лежитъ передо мной, когда я пишу эти строчки, и которою молодая дѣвушка пользовалась, приступивъ къ урокамъ, учитель посвятилъ шесть большихъ страницъ для изображенія деталей маленькаго и простаго цвѣтка; и ученица потратила буквально сотни листовъ бумаги въ усиліяхъ точнаго скопированія данныхъ ей образцовъ. Теперь она кончила часть своего курса и можетъ воспроизвести моментально непрерывнымъ движеніемъ кисти любую часть растенія въ любомъ видѣ. Слѣдующей ступеню, на которую ей предстоитъ взойти, будетъ рисованіе бамбуковаго дерева.

12) СТРАНИЦА 51-я.

Въ правительственныхъ школахъ для дѣвочекъ въ настоящее время обращается большое вниманіе на физическое воспитаніе. Гимнастическія упражненія, наряду съ китайскимъ и англійскимъ языками, а также математикой, составляютъ значительную часть курса, и атлетическіе спорты всякаго рода во внѣклассныхъ занятіяхъ дѣвочекъ на чистомъ воздухѣ очень дѣятельно поощряются; предаваясь имъ съ увлеченіемъ, молодыя японки оказываются способными въ своихъ гакама къ такимъ же быстрымъ движеніямъ, какъ и сверстницы ихъ въ Америкѣ. Еслибы не нѣсколько странная птичья походка, усваиваемая японками съ дѣтства вслѣдствіе хожденія въ своихъ узкихъ кимоно и на высокихъ колодкахъ, то японскія дѣвушки во всѣхъ спортахъ сравнялись бы съ американскими. Въ послѣднее время сознаніе значенія физическаго развитія такъ распространяется въ Японіи, что, вопреки старымъ взглядамъ, нынѣ дѣвушка деликатнаго сложенія имѣетъ меньше шансовъ выйти замужъ, чѣмъ здоровая и сильная.

13) СТРАНИЦА 54-я.

Въ ошибкахъ и неудачахъ, сопровождающихъ старанія приспособить школьное воспитаніе въ точности къ условіямъ постоянно прогрессирующаго строя жизни Японіи, противники реформы въ дѣлѣ образованія женщинъ находятъ самые сильные аргументы. Консерваторы указываютъ съ презрѣніемъ на дѣвушку, которую новыя идеи заставляютъ волноваться и задумываться въ мучительномъ размышленіи о противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ ею на каждомъ шагу въ сопоставленіяхъ слышаннаго въ школѣ съ тѣмъ, что говорятъ ей дома, или на ту, которой здоровье надорвано неблагоприятной для учебныхъ занятій домашней обстановкой. «Это случится со всеми нашими женщинами, если мы будемъ продолжать держаться новой системы образованія», говорятъ консерваторы. Успѣхъ въ дѣлѣ женскаго образованія, какъ и во всѣхъ отрасляхъ прогресса Японіи, дается путемъ преодоленія большихъ сопротивленій. Въ 1889 году, частью вслѣдствіе ошибокъ со стороны руководителей дѣла, новой системѣ образованія женщинъ грозила большая опасность. Реакція поддерживалась особою запиской, распространявшейся среди самыхъ вліятельныхъ дѣятелей въ Японіи и обсуждавшейся въ газетахъ по

почину германскаго профессора на медицинскомъ отдѣленіи императорскаго университета въ Токио. Записка обращала вниманіе мужчинъ на то, что женщина не можетъ въ одно и то же время быть хорошею женой, матерью и домохозяйкой и преслѣдовать задачи научнаго образованія. Аргументы подтверждались статистикой, показывающей, что образованныя американки или не выходятъ замужъ, или, если и выходятъ, то имѣютъ мало дѣтей. Всѣ японцы встревожились такими доводами, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ образованіе дѣвушекъ, за исключеніемъ даваемого элементарными школами, не поощрялось правительствомъ. Апогея своего реакція достигла вскорѣ послѣ японско-китайской войны, когда развитіе національнаго тщеславія сказалось во временномъ презрѣніи ко всѣмъ иностраннымъ идеямъ. Теперь, къ счастью, теченіе измѣнилось, и тѣ школы для дѣвушекъ, которыя были закрыты на нѣсколько лѣтъ, открылись снова; молодые люди, думающіе жениться, ищутъ образованныхъ женъ, и между самими женщинами растетъ сильное желаніе самоусовершенствованія. Подъ вліяніемъ этого желанія новое поколѣніе образованныхъ женщинъ прибавится къ тѣмъ, пока еще немногимъ, которыя уже стоятъ на вѣрномъ пути и теперь, и надо надѣяться, что если у японскаго берега появится новая реакціонная волна, то она уже не съ такой легкостью задержитъ прогрессивное теченіе, какъ случилось это раньше.

14) СТРАНИЦА 59-я; см. ВЫНОСКУ.

Длина оби какъ будто является образнымъ выраженіемъ надежды на то, что супружеская жизнь дастъ долгое счастье. У болѣе современныхъ японцевъ въ настоящее время вмѣсто оби, или въ дополненіе къ нему, при «обрученіи» надѣваются и кольца.

15) СТРАНИЦА 59-я.

Интересно однако указать, какъ на знаменіе времени, что при бракосочетаніи наслѣднаго принца, въ маѣ 1900 года, главенствующій священнослужитель - шинтоистъ—блюститель религіозныхъ церемоній въ императорскомъ дворцѣ, совершилъ въ святилищѣ его и установилъ на будущее время торжественный брачный религіозный обрядъ. Слѣдуя примѣру такой высокой среды, многіе изъ бракосочетавшихся зимой 1900—1901 года въ различныхъ частяхъ имперіи закрѣпили

свой союзъ такимъ же обрядомъ въ храмахъ Шинто, какъ бы призывая на себя благословеніе древнихъ національныхъ божествъ. Но всетаки для значительнаго большинства въ Японіи брачная церемонія и нынѣ остается тѣмъ же, чѣмъ она была прежде.

16) СТРАНИЦА 59-я.

Хотя новые способы перевозки вошли въ употребленіе теперь въ большинствѣ городовъ Японіи, и колесныя телѣжки, везомыя людьми или лошадьми, употребляются для перевозки багажа всякаго рода, свадебное приданое—въ тюкахъ, обернутыхъ чернымъ сукномъ, на которомъ красуется гербъ семьи невѣсты—переносится въ домъ жениха на плечахъ людей, причемъ многочисленность носильщиковъ и число и величина тюковъ являются показателями богатства и значенія семьи невѣсты. Послѣдняя вносить въ домъ жениха своего не только полный свой гардеробъ и домашнюю обстановку, о которой было уже упомянуто, но и всякія хозяйственныя мелочи, какія только могутъ предусмотрѣть заботливость родителей, на цѣлые мѣсяцы впередъ: бумагу, перья, чернила, почтовые марки, иголки, нитки и швейные матеріалы всякаго рода, запасъ кусковъ матерій для костюмовъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ для подарковъ различнымъ лицамъ, карманныя деньги и т. п. Невѣста должна выйти изъ родительскаго дома, снабженная такъ, чтобы ей не встрѣтилась надобность беспокоить своего мужа изъ-за какихъ либо мелочей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Родители, прощаясь съ выходящей замужъ дочерью, выражаютъ степень любви своей къ ней качествомъ и полнотой ея приданого. Издержки на послѣднее бывають часто весьма значительными,—и люди даже весьма скромныхъ средствъ тратятъ тысячу иенъ на не необходимыя мелочи, а въ богатыхъ семьяхъ расходъ отъ четырехъ до пяти тысячъ иенъ на этотъ предметъ не считается расточительностью. По мѣрѣ того, какъ матеріальное богатство возрастаетъ въ Японіи, тамъ обнаруживается стремленіе увеличить стоимость приданого, и свадьба дочери во многихъ случаяхъ является большимъ обремененіемъ финансовъ ея родителей. Но надо сказать, что приданое невѣсты составляетъ ея неотъемлемую собственность, и въ случаѣ развода, она возвращается въ домъ отца весь тотъ свой гардеробъ и всѣ тѣ хозяйственныя принадлежности, какія,—если только онѣ уцѣ-

лѣли,—принесла въ домъ своего мужа вмѣстѣ съ собой.

17) СТРАНИЦА 61-я.

Для этого визита невѣста одѣвается въ первый разъ костюмъ, сдѣланный для нея родными мужа и носящій его гербъ, какъ знакъ того, что она теперь—членъ его семьи и только гостя въ домѣ отца своего.

18) СТРАНИЦА 70.

Со времени введенія новаго свода законовъ условія свадьбы и развода измѣнились къ лучшему. Въ настоящее время разводъ невозможенъ иначе, какъ по постановленію суда или по взаимному соглашенію; простое заявленіе объ этомъ для внесенія въ брачные списки не составляетъ легальнаго развода. Даже и разводъ по взаимному соглашенію не можетъ состояться безъ согласія родителей четы, если только мужъ и жена не старше двадцати пяти лѣтъ отъ роду каждый. Основанія, по которымъ судъ разрѣшаетъ разводъ, могутъ считаться весьма несерьезными съ европейской точки зрѣнія; но съ другой стороны требованіе наличія ихъ уже само по себѣ—огромный шагъ впередъ, въ сопоставленіи съ тѣмъ, какъ стоялъ этотъ вопросъ ранѣе. Положеніе жены не зависитъ болѣе отъ простой прихоти своего мужа, и если онъ не можетъ добиться ея добровольнаго согласія на разводъ, то для полученія послѣдняго онъ долженъ представить доказательства безнравственности ея убѣжденій, или нанесенія серьезной обиды его родственникамъ, или безвѣстной отлучки ея въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ. Только послѣ того, когда какое либо изъ этихъ обстоятельствъ доказано передъ судомъ, мужъ можетъ легально считать себя освобожденнымъ отъ узъ брака. Въ случаѣ простого раздѣленія семьи по взаимному соглашенію,—хотя законъ до сихъ поръ еще возлагаетъ заботу о дѣтяхъ на отца, если предварительнаго соглашенія между супругами по этому предмету не послѣдовало,—женщина, видящая несомнѣнную возможность содержать ихъ своими средствами, можетъ ходатайствовать о томъ, чтобы большее или меньшее число ихъ осталось при ней, и поставить это требованіе необходимымъ условіемъ согласія на раздѣленіе семьи. Наконецъ судья можетъ, въ интересахъ дѣтей, постановить рѣшеніе объ отдачѣ ихъ на попеченіе того или другого изъ родителей.

Въ этомъ новомъ порядкѣ вещей мы видимъ опредѣленное стремленіе къ упроченію семейныхъ связей, а также и приобрѣтеніе женщиной новаго средства отстаивать свои естественныя права противъ требованій несправедливаго мужа. Мы можемъ быть увѣрены, что когда населеніе привыкнетъ къ этому порядку, то могутъ быть изданы и новыя еще узаконенія въ обезпеченіе упроченія семьи, потому что, повидимому, просвѣщенное общественное мнѣніе стоитъ за это.

19) СТРАНИЦА 76-я.

Для насъ, американцевъ, которые живутъ подъ сѣбною обычаевъ и законовъ, по коимъ каждый изъ насъ является общественною единицей, а семья—союзомъ такихъ единицъ, трудно понять такой общественный строй, въ которомъ личность значить мало или не значить ничего, а семейство есть общественная единица, признанная какъ закономъ, такъ и обычаемъ. Въ Японіи мужчина—просто членъ семейства, и его обыденныя дѣла, вступленіе въ бракъ и т. п. находятся болѣе или менѣе подъ контролемъ главы семейства или семейнаго совѣта. Только глава семьи имѣетъ право жениться безъ чьего либо согласія, но и тогда сопряженная съ его положеніемъ въ послѣдней отвѣтственность можетъ сама по себѣ затруднить его. Если это имѣетъ мѣсто по отношенію къ независимому мужчинѣ, то легко вообразить, насколько рабски стѣснена семейнымъ вліяніемъ женщина. Она можетъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться главой семьи,—но это случается обыкновенно только на время, да и притомъ тогда она должна подчиняться послѣдней и ея интересамъ еще болѣе, чѣмъ когда занимаетъ сравнительно низшее въ ней положеніе.

Главенство незамужней женщины продолжается только до тѣхъ поръ, пока для нея не выбранъ мужъ, и главенство вдовы продолжается въ теченіе ея опеки надъ полноправнымъ наслѣдникомъ. По японскому закону вдова—всегда попечительница своихъ младшихъ дѣтей.

Единственный путь, которымъ можетъ быть приобрѣтена индивидуальность передъ закономъ мужчиной или женщиной въ Японіи, это—разрывъ связей со своимъ семействомъ и вступленіе въ новую жизнь въ качествѣ главы новой семьи. Эта послѣдняя должна быть всегда изъ среды геймина, или плебеевъ, независимо отъ того, какъ высоко стоитъ родъ, изъ

котораго происходить ея основатель. Но несмотря на то, все возрастает число молодых людей, мужчинъ и женщинъ, которые предпочитаютъ свободу, сопряженную съ главенствомъ въ маленькой и новой семьѣ, хотя бы она и занимала низшее положеніе въ обществѣ, опекунству или трудной отвѣтственности, которою можетъ обусловливаться связь его съ общественною группой, болѣе значительной и стоящей на высшей ступени общественной лѣстницы. Кажется вѣроятнымъ, что такими путями совершится эволюція перехода отъ фамиліной къ индивидуальной системѣ, по мѣрѣ дальнѣйшаго усвоенія націей современныхъ взглядовъ культурныхъ народовъ.

Для японки, какъ я уже говорила, свадьба въ большинствѣ случаевъ—это вступленіе въ новую семью. Она «отрѣзывается» отъ старыхъ интересовъ, въ которыхъ до сихъ поръ имѣла свою роль, и начинаетъ жизнь снова, какъ младшее и притомъ самое незначительное прибавленіе къ другой спеціальной группѣ. Ея долгъ состоитъ просто въ томъ, чтобы изучать привычки и слушаться тѣхъ, кто поставленъ выше ея, а долгъ этихъ послѣднихъ, особенно же матери ея мужа,—пріучить ее къ новой обстановкѣ. Физическая выносливость молодой жены, кротость характера, манеры, мораль и возрѣнія на жизнь,—все подвергается испытанію подъ наблюденіемъ бдительной попечительницы семейныхъ интересовъ, и горе молодой женщинѣ, если она не сумѣетъ удовлетворить идеаламъ своей новой главы. Она можетъ быть хорошею женщиной и вѣрною женой, но если по своему воспитанію не сумѣетъ приспособиться къ традиціямъ и обычаямъ семьи, въ которую вошла, то болѣе чѣмъ вѣроятно,—даже при дѣйствующихъ теперь новыхъ законахъ,—что она будетъ отправлена назадъ, въ домъ своего, отца какъ не желанная особа, и даже любовь ея мужа не сможетъ спасти ее... Именно по причинѣ преобладанія семьи надъ личностью молодая жена, когда она входитъ въ домъ своего мужа, не вступаетъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нашей странѣ, въ новую жизнь въ качествѣ хозяйки дома съ абсолютнымъ господствомъ надъ всѣми ея маленькими владѣніями.

19) СТРАНИЦА 103-я.

Въ день празднованія своей серебряной свадьбы, въ 1895 году, императоръ вошелъ въ пріемную подъ руку съ

императрицей,—примѣръ, которому послѣдовали и императорскіе принцы.

Съ обрученіемъ и женитьбой кронпринца въ маѣ 1900 г. въ отношеніяхъ императорской четы былъ установленъ совершенно новый прецедентъ. Западная идея о бракѣ между равными по положенію никогда не существовала въ понятіи японцевъ въ примѣненіи къ женитьбѣ императора. Невѣста его величества избиралась хотя и изъ благороднаго семейства, но изъ подданныхъ императора, и вступленіе ея въ бракъ было равносильно «назначенію на должность супруги императора», подобно всякому другому назначенію подданнаго на важный постъ въ государствѣ. При женитьбѣ же кронпринца дѣло было обставлено совсѣмъ иначе. Хотя не было сдѣлано никакого отступленія отъ старыхъ прецедентовъ въ смыслѣ выбора для него невѣсты въ одномъ изъ пяти семействъ, которыя ведутъ свой родъ отъ Джиму Тенно, характеръ обрученія отличался существенно отъ всего, чего держалась до тѣхъ поръ Японія въ такихъ дѣлахъ. Принцъ просилъ у отца молодой дѣвушки руки ея совершенно такъ, какъ сдѣлалъ бы это простой смертный, и весь характеръ предварительныхъ переговоровъ велся въ такомъ смыслѣ, что замужествомъ невѣста будетъ поднята до положенія своего будущаго мужа. О томъ, что свадьба сопровождалась спеціально для нея установленною церемоніей, мы говорили уже выше и теперь замѣтимъ только, что этотъ актъ самъ по себѣ измѣнилъ взглядъ всего народа на значеніе брака.

Послѣ свадьбы далеко за предѣлы дворцовыхъ воротъ разнеслись слухи о привѣтливости и почетѣ, съ какими относятся къ молодой женѣ ея мужъ. Къ удивленію нѣкоторыхъ изъ наиболѣе консервативныхъ приближенныхъ принца, даже шокированныхъ такими новшествами, наследникъ престола настаиваетъ на соблюденіи по отношенію къ его женѣ—какъ въ частной жизни, такъ и въ публичныхъ церемоніяхъ—всѣхъ требованій западнаго этикета. Она садится въ карету прежде него, когда они ѣдутъ вмѣстѣ; они обыкновенно кушаютъ вмѣстѣ, и онъ находитъ въ ней веселаго товарища и друга, а не просто преданную и униженную служанку. Такимъ образомъ японскій народъ учится новымъ взглядамъ путемъ самаго высшаго для него примѣра.

Всѣ эти вещи имѣютъ глубокое значеніе, какъ свидѣтельство того, что святость брачныхъ узъ постепенно признается въ Японіи.

21) СТРАНИЦА 120-я.

Въ сущности можно сказать кое что и объ оборотной сторонѣ медали этой системы, которую я обрисовала, быть можетъ, какъ слишкомъ идеальную. Если въ Америкѣ мы находимъ бремя матеріальной поддержки взрослыхъ сыновей и дочерей иногда слишкомъ тяжелымъ для родителей, силы которыхъ уже утомлены долгою жизнью, то мы должны помнить, что въ Японіи молодой человѣкъ часто серьезно затрудненъ въ началѣ своей самостоятельной жизни раннимъ удаленіемъ своего отца отъ дѣлъ, сопряженныхъ съ заработкомъ денежныхъ средствъ, и что молодая жена, войдя въ домъ родителей своего мужа, часто находитъ замужнюю жизнь совершенно невозможною вслѣдствіе того, что должна постоянно «ублажать» старую чету, «самодержавно правящую» домохозяйствомъ, но ограничивающуюся въ этомъ правленіи только приказаніями и выраженіями своихъ желаній, а не активной работой. Въ практикѣ этого обычая, какъ и всѣхъ обычаевъ человѣческой жизни вообще, всё зависитъ отъ того, какъ обставлено его соблюденіе, и безъ искренней привязанности между родителями и дѣтьми въ Японіи можетъ явиться такая же опасность отъ серьезнаго обремененія подрастающаго поколѣнія себялюбивыми и неблагоразумными родителями, какъ въ Америкѣ—отъ обремененія старыхъ людей затратою силъ, часто необходимою для поддержки неблагодарныхъ и лѣнивыхъ дѣтей.

22) СТРАНИЦА 131-я.

Постель, на которой спитъ императрица, состоитъ изъ тяжелыхъ футоновъ, или стеганыхъ покрывалъ изъ бѣлой габу таи, подбитой шелковою ватой. Одѣялами служатъ столько одинаковыхъ футоновъ, сколько можетъ потребоваться состояніемъ погоды. Каждый мѣсяцъ для ея величества доставляются новые футоны, а тѣ, подъ которыми она спала, дарятся лицамъ ея свиты. Счастливая особа, получающая такіе подарки, снабжается такимъ образомъ шелковою ватой для всей ея зимней одежды до конца жизни.

23) СТРАНИЦА 135-я.

Только тѣ, которые видѣли внутреннюю жизнь дворца, могутъ представить себѣ затрудненія, сопровождавшія каждый

шагъ жизненнаго пути императрицы Гару, потому что дворецъ былъ ареной жаркой борьбы между консервативными и радикальными элементами. Атмосфера мелочныхъ дрызгъ и проявленій ревности окутывала тронъ. Каждое слово или знакъ императрицы обращался въ оружіе для частныхъ цѣлей. Идти впередъ въ такой обстановкѣ, успѣвать на пути прогресса, преодолевая тяжелое бремя, было задачей болѣе трудною, чѣмъ завоеванія армій, и благополучное разрѣшеніе этой задачи требовало почти безконечнаго терпѣнія, вѣры въ миссію и любви къ ней.

24) СТРАНИЦА 143-я.

Теперь, послѣ тридцати трехъ лѣтъ просвѣщеннаго правленія императора и благодѣтельнаго примѣра жизни императрицы Гару, естественно задать вопросъ, есть ли какая нибудь увѣренность въ томъ, что прогрессъ, достигнутый въ эпоху занятія ими трона, продолжится и при жизни будущихъ правителей Японіи.

Принцъ Гару или Юшито — молодой человѣкъ, теперь двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, съ характеромъ достаточно развитымъ, чтобы служить основой для предположеній о томъ, какія качества проявитъ онъ, сдѣлавшись правителемъ. «Такъ далеко, какъ Востокъ отъ Запада», его жизнь и воспитаніе отличаются отъ жизни и воспитанія его знаменитаго отца. Въмѣсто уединенія, тиши и покоя стараго дворца въ старой столицѣ, нынѣшній кронпринцъ позналъ съ дѣтства зрѣлища и шумъ новой столицы—Токію. Его катали въ открытой коляскѣ или водили по улицамъ города; онъ былъ въ школѣ наравнѣ со своими сверстниками, исполнялъ школьную работу и участвовалъ въ играхъ съ ними, учась познавать людей и вещи въ обстановкѣ дѣйствительной жизни, о какой не имѣлъ понятія ни одинъ изъ его предковъ—послѣ тѣхъ дней, когда они перестали быть просто дикарями. Когда принцъ вошелъ въ возрастъ, его деликатное здоровье потребовало, чтобы онъ оставилъ школу и продолжалъ свои занятія, по мѣрѣ силъ, дома, подъ руководствомъ специальныхъ учителей; но онъ сохранилъ любовь ко всѣмъ атлетическимъ упражненіямъ, къ собакамъ, лошадямъ, ружьямъ и велосипедамъ, и такой же знатокъ всѣхъ спортивныхъ на свѣжѣмъ воздухѣ, какъ любой изъ юношей западнаго воспитанія. Онъ

обладаетъ живымъ и впечатлительнымъ умомъ, особенно интересуется образомъ мыслей и дѣйствій иностранцевъ и усиленно старается понять, какъ живутъ, думаютъ и чувствуютъ другіе народы. Хотя принцъ эмансипированъ до удивительной степени отъ штата и церемоній, окружавшихъ жизнь его предковъ, онъ всетаки не вполне примиряется и съ остатками ихъ и охотно распростился бы со многими формами, которыя его консервативные опекуны признаютъ необходимыми,—такъ что послѣдніе иногда находятъ затруднительнымъ «управленіе молодымъ орленкомъ». Онъ имѣетъ свои собственныя воззрѣнія и идеи и поступаетъ иногда по своей собственной инициативѣ, что достаточно «скандализуетъ» его совѣтниковъ. Онъ желаетъ посѣщать своихъ будущихъ подданныхъ за панибрата. Роль сына небесъ кажется ему менѣе интересною, чѣмъ болѣе скромная и болѣе человѣческая роль. Напримѣръ, во время прогулокъ онъ любитъ самъ вести свою собаку, а не поручать этого другому; останавливаться на улицѣ и наблюдать работу простого народа; зайти къ своимъ друзьямъ по пути, чтобы посмотрѣть, какъ они живутъ, когда не ожидаютъ высочайшаго визита, и т. п. Если только онъ не будетъ въ этомъ направленіи слишкомъ неводержанъ, когда придетъ его очередь взойти на престолъ, то трудно представить себѣ лучшую подготовку для императора, чѣмъ тѣ попытки познать дѣйствительную жизнь и сблизиться съ народомъ, какія дѣлаетъ онъ.

Кронпринцесса Сада своимъ поведеніемъ и характеромъ обнаруживаетъ вліяніе новыхъ идей, толкающихъ теперь Японию впередъ. Обстоятельства, которыя привели къ выбору ея невѣстой принца, сами по себѣ достаточно интересны для того, чтобы мы коснулись здѣсь и ихъ. Фамилія Кужо—одна изъ пяти фамилій, изъ которыхъ только и можетъ быть избрана жена кронпринца, и нынѣшній принцъ Кужо «благословленъ многими дочерьми». Изъ нихъ самая старшая—почти ровесница принца Гару, и одно время надѣялись, что она будетъ избрана его супругой; но въ концѣ концовъ эта надежда была оставлена, и она вышла замужъ за другого принца. Вторая дочь была такая же блестящая и очаровательная дѣвушка, какъ первая, но она моложе принца именно на такое число лѣтъ, какое согласно суевѣрнымъ взглядамъ японцевъ на вліянія, будто бы опредѣляющія счастье или несчастіе совместной жизни,—сулить несчастный бракъ. Для нея, слѣ-

довательно, не было никакой надежды на послѣдній, и она, когда пришло время, вышла замужъ за другого. Третья дочь—на шесть лѣтъ моложе принца, вслѣдствіе чего думали, что онъ женится гораздо раньше, чѣмъ она вырастетъ, потому въ принцессы ее не готовили. Въ младенчествѣ она, подобно многимъ японскимъ дѣтямъ высокопоставленныхъ семействъ, была отправлена въ деревню на попеченіе кормилицы. Приемные родители ея были типичные фермеры, полюбившіе и баловавшіе ее, какъ собственное дитя. Она играла гологоло-вой и босой на солнцѣ и на вѣтру, участвовала, веселая и счастливая, во всѣхъ проказахъ деревенскихъ дѣтей и жила и росла, подобно скорѣе свободному котенку, чѣмъ будущей императрицѣ,—до того возраста, когда могла поступить въ дѣтскій садъ. Тогда она возвратилась въ Токио, въ домъ отца своего, и, отданная въ школу для дѣтей дворянъ, ходила туда каждый день со связкой книгъ, весело болтая и играя дорогой со сверстницами. Въ школѣ она выдѣлялась своей большой физической живостью и искреннимъ увлеченіемъ спортомъ на чистомъ воздухѣ, который составляетъ такую важную часть въ школьномъ воспитаніи дѣвочекъ въ настоящее время; отличалась она также силой воли и характера—даже среди своихъ подругъ, которымъ самообладаніе, доходящее почти до самоотреченія, внушается раннего возраста.

Когда эта маленькая принцесса достигла возраста пятнадцати лѣтъ, съ женитьбой кронпринца уже спѣшили, такъ какъ она и то откладывалась слишкомъ долго въ интересахъ его здоровья,—и, къ крайнему удивленію его царственныхъ родителей, такъ какъ и многихъ другихъ, имъ была избрана принцесса Сада, прельстившая его кажется, главнымъ образомъ своею физическою энергіей. Тогда началась большая перемѣна въ ея жизни. Изъ младшаго и наименѣе значащаго члена въ семействѣ она внезапно поднялась выше другихъ, такъ что даже отецъ ея долженъ былъ обращаться къ ней, какъ къ старшей по положенію. Веселая школьница въ нѣсколько дней была передѣлана въ большую даму,—слишкомъ большую для того, чтобы позволить себѣ относиться, какъ равная къ равной, къ кому либо кромѣ членовъ императорской фамиліи. Мало удивительнаго, что она воспротивилась такой перемѣнѣ и просила, чтобы оказанная ей честь пала на какую либо другую смертную. • Прежняя свобода

ушла отъ нея навсегда, и она боялась тяжелой отвѣтственности, возлагавшейся теперь на ея плечи.

Выборъ былъ сдѣланъ въ августѣ 1899 года, и съ момента, когда состоялось обрученіе, принцесса Сада сдѣлалась почетной гостьей въ собственномъ семействѣ. Она не могла болѣе играть съ родными сестрами или принимать пищу съ кѣмъ либо изъ членовъ семьи; для нея были пристроены отдѣльныя комнаты; ея старый гардеробъ былъ уничтоженъ и замѣненъ новымъ; ея столовый сервизъ замѣненъ другимъ, сильно отличающимся отъ сервиза остальныхъ членовъ семьи, и къ ней всѣ обращались, какъ будто бы она была уже императрицей. Занятія ея, однако, не прекратились, но продолжались уже не въ школѣ, а подъ руководствомъ избранныхъ преподавателей, которые приходили къ ней и обучали ее сообразно предстоящему ей положенію. Такъ прошли девять мѣсяцевъ, и 8-го мая 1900 года она сдѣлалась одной изъ главенствующихъ особъ въ государствѣ послѣ свадьбы, подобной которой Японія не видѣла до тѣхъ поръ. Она вела себя съ надлежащимъ достоинствомъ во всей церемоніи, и со времени ея брака до сихъ поръ еще не исходило ни одного слова неодобренія о ней изъ стараго дворца. Ея новыя сестры—четыре маленькія дочери императора—ничего такъ не любятъ, какъ навѣщать ее и проводить день съ нею, потому что она такая веселая, и ея жизнь кажется такою дѣятельною и счастливою, что она всегда вноситъ въ уединенный дворецъ струю свѣжаго воздуха и яркій лучъ жизни. Ея молодой мужъ пріобрѣлъ въ ней подходящую для себя подругу, подъ вліяніемъ жизнерадостности и жизнедѣятельности которой и его хрупкое здоровье, кажется, какъ будто укрѣпляется съ каждымъ днемъ.

Велика была радость въ имперіи, когда 29 апрѣля 1901 года этотъ счастливый союзъ сдѣлался еще болѣе счастливымъ рожденіемъ крѣпкаго маленькаго принца «для продолженія древняго рода». По интересному совпаденію, день его рожденія случился какъ разъ во время годового праздника мальчиковъ—праздника флаговъ, и его именины такимъ образомъ могли праздноваться 5-го мая, въ разгаръ національнаго праздника, когда вся Японія украшена гигантскими карпами, висящими на высокихъ шестахъ возлѣ cadaго дома, и «плавающими» въ воздухѣ подъ вліяніемъ сильнаго весенняго вѣтра. Карпъ въ представленіи японца служитъ эмблемой

мужества и настойчивости, потому что онъ идетъ въ рѣкѣ противъ сильнаго теченія, перепрыгивая пороги, встрѣчающіеся ему на пути. Ребенокъ названъ по имени своего дѣдушки и имѣетъ поэтому личное имя Хирохито и титулъ принца Ми чи. Этотъ новый маленькій принцъ не нуждается въ установленіяхъ по отношенію къ нему какого-нибудь условнаго родства и сопряженныхъ съ послѣднимъ фикцій, такъ какъ онъ—законный сынъ своего отца и его законной жены. Здѣсь не прерываются какія либо естественныя связи, и онъ кормится своей собственной матерью,—счастье, которое никогда не выпадаетъ на долю сына императора отъ мекаке. Если ему суждено будетъ жить, онъ будетъ живымъ аргументомъ въ пользу моногаміи, даже въ благородныхъ семействахъ, и его рожденіе способствуетъ упроченію уваженія къ чистой семейной жизни во всей странѣ.

25) СТРАНИЦА 154-я.

Красивое, но въ высшей степени шокирующее зрѣлище, съ точки зрѣнія консервативныхъ придворныхъ, представляетъ ундо каи, или день физическихъ упражненій въ женской дворянской школѣ. Большой лугъ ея въ этотъ день окружается трибунами для приглашенныхъ гостей различныхъ слоевъ общества, которые съ удовольствіемъ посѣщаютъ этотъ праздникъ. На самомъ почетномъ мѣстѣ, окруженная своими статсъ-дамами и фрейлинами, сидитъ сама императрица,—потому что дѣло воспитанія дѣтей дворянъ возбуждаетъ въ ней живѣйшій интересъ; и родители, друзья и учителя дѣвочекъ заполняютъ всѣ свободныя мѣста трибуны.

Программа, обыкновенно длинная,—занимающая большую часть утреннихъ и вечернихъ часовъ, съ перерывомъ для завтрака,—включаетъ обыкновенныя англійскія игры на лугу: лаунъ-теннисъ, мячъ и т. п.; но въдобавокъ къ нимъ здѣсь еще происходятъ состязанія различнаго рода, имѣющія цѣлью испытать не только быстроту ногъ, но живость и искусство рукъ, а также и сообразительность. Эти состязанія мѣняются изъ года въ годъ, въ зависимости отъ изобрѣтательности устроителей спорта. Одно изъ самыхъ красивыхъ состязаній состоитъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ: на лугу между начальнымъ мѣстомъ и конечнымъ барьеромъ для каждой изъ состязующихся ученицъ устанавливаются четыре стойки, а на стартѣ кладутся на землю, для каждой же изъ этихъ ученицъ, четыре цѣвѣ-

тушія вѣтки вишни и четыре ленты какого нибудь яркаго цвѣта. По сигналу каждая дѣвочка хватаетъ вѣтку и ленту, бѣжитъ къ одной изъ стоекъ и крѣпко привязываетъ тамъ вѣтку; затѣмъ бѣжитъ назадъ за второй вѣткой и такъ далѣе, пока всѣ четыре не привяжутъ на мѣсто. Состязаніе выигрывается тою ученицей, которая первая добѣгаетъ до барьера, оставивъ за собою четыре цвѣтушія деревца вмѣсто голыхъ стоекъ. Это эстетическое состязаніе служитъ какъ будто противовѣсомъ другимъ, болѣе прозаическаго характера, принятымъ отъ европейцевъ и американцевъ. Другое состязаніе организуется такъ: на пути каждой изъ бѣгущихъ дѣвушекъ положены, черезъ различные промежутки, ярко окрашенные мячи—различныхъ цвѣтовъ для разныхъ состязующихся. Дѣвочка должна въ теченіе даннаго промежутка времени поднять на бѣгу мячи и бросить ихъ въ почти закрытое отверстіе большого гнѣзда, расположеннаго въ концѣ луга. По окончаніи состязанія сосчитывается число шаровъ въ гнѣздѣ, и та дѣвочка, мячи которой оказываются здѣсь въ большемъ числѣ, объявляется побѣдительницей. Очень красиво также упражненіе, требующее большой твердости рукъ и ловкости движеній, состоящее въ бѣганіи съ одного конца луга на другой съ мячемъ, уравнивающимъ на ракетѣ. Японская ракета дѣлается изъ легкаго, но крѣпкаго дерева и имѣетъ длинную и узкую форму. Тотъ, кто не былъ очевидцемъ состязанія, не повѣритъ, чтобы ребенокъ могъ удержать на такой ракетѣ мячъ болѣе чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ медленныхъ шаговъ; но ловкія маленькія японки ухитряются бѣгать быстрой рысцой, держа мячикъ совершенно неподвижнымъ на гладкой поверхности ракеты.

Кромѣ игръ и состязаній въ школѣ устраиваются еще гимнастическія упражненія, при которыхъ проявляется большая точность движеній и гибкость тѣла. Однимъ изъ самыхъ граціозныхъ и привлекательныхъ упражненій этого рода надо признать игру съ вѣерами, въ которой около 20 или 30 дѣвочекъ, въ ярко раскрашенныхъ платьяхъ съ длинными развѣвающимися рукавами и въ красныхъ гакама, раскачиваются ритмически съ вѣерами, развертывая и складывая ихъ надъ головой, передъ лицомъ, въ разныхъ положеніяхъ, постоянно измѣняя позу и составляя въ общемъ фигуры одна красивѣе другой.

Такими и подобными путями готовится дворянство новой

Японіи къ новой роли, которую оно должно играть въ своемъ отечествѣ; не удивительно, что воспитаніе, даваемое теперь, пробуждая умъ, укрѣпляя тѣло, вырабатывая инициативу и индивидуальность, критикуется многими ультра-консерваторами, какъ опасное новшество, которое поведетъ къ низведенію дворянства на уровень простого народа. Хуже или лучше это воспитаніе, чѣмъ старое, во всѣхъ отношеніяхъ,—мы теперь едва ли можемъ сказать; но въ немъ, кажется, нѣтъ признаковъ посягательства на униженіе стараго дворянства, и ужъ, конечно, есть всѣ задатки для выработки въ подростающемъ поколѣніи Японіи женщинъ болѣе здоровыхъ тѣлесныхъ качествъ и болѣе сильныхъ характеровъ, чѣмъ раньше.

26) СТРАНИЦА 161-я.

Это было безусловно вѣрно въ 1890 году; но интересно замѣтить, что послѣ протекшихъ за нимъ десяти лѣтъ коммерческаго и промышленнаго прогресса, въ Японіи появились признаки, что вышитыя кимоно опять входятъ въ моду. Съ развитіемъ большихъ богатствъ и роскоши, которыя характеризуютъ послѣднее десятилѣтіе, возникъ и обычай украшать свадебные костюмы такими же великолѣпными вышивками, какими отличались платья въ семьяхъ даймевъ; и даже монте-уки или церемоніальное платье, которое было совершенно одноцвѣтное въ 1900 году, теперь украшается тонкою вышивкой по подолу. Неудивительно будетъ, если Японія, поживъ обильную жатву съ развивающихся теперь коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій, опять обратится къ красивымъ одеждамъ, вышедшимъ изъ моды, въ эпоху, когда великій политическій переворотъ лишилъ старую знать ея прежнихъ доходовъ.

27) СТРАНИЦА 172-я.

Съ каждымъ завоеваніемъ непріятеля тѣ, которые не могли сейчасъ же укрыться отъ него, были обречены на выборъ между сдачей и добровольной смертью. Непреклонный духъ самураевъ воспламенялся въ крови стень женщинъ и дѣтей также, какъ мужчинъ, и цѣлѣя семейства добровольно прекращали свое существованіе; при этомъ малютки, которыя были слишкомъ малы, чтобы умѣть совершить самостоятельно хара-кири, становились на колѣни спокойно, со склонен-

ными головками, подъ смертельный ударъ отца или брата, который долженъ былъ освободить ихъ отъ позора.

28) СТРАНИЦА 182-я

Что духъ самураекъ еще живъ среди женщинъ въ Японіи, въ этомъ не можетъ сомнѣваться никто, слышавшій рассказы о томъ, что дѣлали онѣ и что онѣ переносили во время японо-китайской войны 1895 года. Прѣжнія самопожертвованія и преданность появились по всей странѣ въ дѣянiяхъ истиннаго, хотя иногда, быть можетъ, и бесполезнаго героизма. Мужья, сыновья и братья провожались въ путь къ опасностямъ и смерти улыбками и веселыми напутствіями женщинъ, жизнь которыхъ зависѣла отъ нихъ во всемъ въ такой мѣрѣ, какъ это трудно даже понять американкамъ. Даже слезы горя по жертвамъ борьбы за дѣло страны подавлялись, какъ неумѣстныя, и женщины выслушивали, ничѣмъ не выдавая своего волненія, о смерти тѣхъ, кого любили больше всего, и находили мужество въ первый же моментъ послѣ потрясающихъ извѣстій выражать чувство гордости тѣмъ, что столь дорогіе ихъ сердцу люди положили жизнь свою за отечество.

Нѣкоторыя выдержки изъ статьи госпожи Уме Тсуда, появившіяся въ Нью-Йоркской газетѣ «Independent» въ 1895 г., дасть читателямъ нѣкоторое представленіе о проявленіяхъ, въ которыхъ выражалась преданность японокъ своему отечеству.

«На память мнѣ приходитъ случай, когда старая дама посылала весело и съ улыбающимся лицомъ своего молодого и единственнаго сына—единственную же опору ея старости. Оставшись вдовой въ молодыхъ годахъ, она вела грустную и тревожную жизнь въ почти сверхчеловѣческихъ усиліяхъ дать ему надлежащее воспитаніе и образованіе. Только нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ онъ началъ помогать семьѣ и оказался въ состояніи заплатить матери за ея нѣжныя попеченія о немъ. Пріятно было видѣть гордость ея своимъ сыномъ и его молодую жену, и вообще всю маленькую семью, гдѣ старушка, казалось, нашла надежную гавань на закатѣ дней своихъ. Теперь же все это измѣнилось въ одинъ моментъ: сынъ долженъ отправляться на войну! Но ни на одно мгновеніе тѣнь горя не набѣжала на лицо матери, и улыбающаяся и веселая помогала она сборамъ воина въ путь. Ни одного вздоха никто не слыхалъ отъ нея. Изъ губъ ея, даже на ухо сына, не сбѣжало ни одно тревожное слово. Лицо ея, сіяющее

радостью, когда она смотрѣла на него, гордясь мужественною силой молодого солдата, отправляющагося на битву за отечество и за лавровымъ вѣнкомъ славы для себя,—славы, которую, она была увѣрена, онъ завоюетъ мертвымъ или живымъ.

«Трогательную исторію рассказываютъ о престарѣлой матери Сакамото—командира военного судна «Акаджи», который былъ убитъ въ суровой схваткѣ во время морской битвы въ Желтомъ морѣ. Кромѣ матери, онъ оставилъ послѣ себя жену и троихъ дѣтей. Какъ только его смерть была официально удостовѣрена, изъ морского министерства въ семью убитаго былъ отправленъ специальный посланный для сообщенія ей грустной вѣсти. Последняя была передана вдовѣ убитаго по секрету, но нечаянно дошла и до ушей его матери прежде, чѣмъ посланный офицеръ вышелъ изъ комнаты. Старушка, войдя туда, привѣтствовала его, согласно церемониальнымъ требованіямъ, и затѣмъ, съ сухими глазами и твердымъ голосомъ, сказала: «Изъ вашихъ вѣстей я замѣчаю, что сынъ мой, значить, сослужилъ службу отечеству»,

«Ежедневно читаешь патетическія исторіи въ газетахъ по поводу военныхъ событій. Недавно сообщался грустный случай съ одною молодою женщиною, только что вступившею въ двадцатый годъ жизни и только недавно вышедшею замужъ за армейскаго офицера. Она принадлежала по рожденію къ военной семьѣ и, какъ настоящая жена и дочь солдата, она рѣшила, узнавъ о смерти своего мужа, что не должна пережить его и должна послѣдовать за нимъ въ невѣдомый міръ. Отправивъ прислугу подъ какимъ-то предлогомъ, она осталась одна въ домѣ, который привела въ полный порядокъ. Затѣмъ прибрала свои бумаги, написала нѣсколько писемъ и сдѣлала послѣднія приготовленія къ смерти: надѣвъ на себя полный церемониальный костюмъ, въ которомъ была въ день своей свадьбы, она сѣла передъ большимъ портретомъ своего мужа и короткимъ кинжаломъ, какой всегда имѣется у каждой самурайки, — умертвила себя. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ она объясняетъ причину самоубійства тѣмъ, что, не имѣя никакихъ связей съ этимъ міромъ послѣ смерти своего мужа, она не хотѣла пережить его, но пожелала остаться вѣрной ему и послѣ его смерти, какъ была при его жизни.

«Много такихъ исторій можно было бы привести здѣсь, но и сказаннаго уже довольно для характеристики духа жен-

щинъ въ Японіи. Можно ли удивляться, что при такихъ женщинахъ и при такихъ примѣрахъ въ семьяхъ, Японія—храбрая нація, и что ея солдаты выигрываютъ сраженія? Конечно, надо отдать свою долю чести и тѣмъ вдовамъ и матерямъ, разсѣяннымъ повсемѣстно въ Японіи, которыя во многихъ случаяхъ явились, безъ сомнѣнія, вдохновительницами того духа храбрости и мужества, который и до сихъ поръ удивляетъ міръ».

29) СТРАНИЦА 194-я.

Иностранцы, посѣщающіе Японію, неодобрительно отзываются о тѣхъ произведеніяхъ искусства японцевъ, въ которыхъ замѣчается подражаніе европейскому стилю. И тѣмъ не менѣе, именно примѣняясь къ требованіямъ этихъ иностранцевъ, изготовляютъ японцы свои фарфоровыя издѣлія, вѣера, экраны и т. д. по рисункамъ, въ высшей степени «мучительнымъ» для ихъ чувства красоты,—удивляясь, почему находятъ сбытъ такія некрасивыя вещи. Дѣло въ томъ, что ни одна изъ цивилизацій еще не пришла къ пониманію эстетической стороны другой, и чувство красоты одной является еще закрытой книгой для другой. Японскій народъ, въ своихъ усиліяхъ усвоить иностранный стиль, былъ до настоящаго времени слѣпымъ подражателемъ,—безъ пониманія, или только съ очень малымъ пониманіемъ основныхъ принциповъ. Въ результатѣ и является та безусловная незаконченность въ подражаніяхъ японцевъ иностраннымъ образцамъ, которая дѣйствуетъ на нервы европейскихъ и американскихъ путешественниковъ по Японіи.

Есть признаки, однако, что періодъ слѣпой подражательности уже прошелъ, и что началось приспособленіе. Кое-гдѣ въ Токио можно уже видѣть постройки, въ которыхъ солидность иностранной архитектуры примѣнена къ японскому стилю. Десять лѣтъ назадъ японцы, которые приняли иностранные костюмы, одѣвались въ дурно сшитое платье, запачканное бѣлье, некрасивую обувь и въ шляпы, которыя давно уже были вычеркнуты изъ списковъ тѣми странами, въ которыхъ были въ модѣ много лѣтъ назадъ. Они носили турецкіе шарфы кругомъ шеи и красныя одѣяла на плечахъ по желанію неразборчивыхъ импортеровъ, которые убѣдили ихъ, что шарфы и одѣяла, вмѣсто верхняго платья, суть новѣйшіе образцы лондонской и парижской моды. Нынѣ не-

замѣтно совѣмъ такихъ эксцентрическихъ костюмовъ въ чисто японскомъ городѣ—въ Токио. Иностранные костюмы, которые видишь здѣсь на японцахъ, сдѣланы корректно во всѣхъ деталяхъ японскими портными, сапожниками и шапочными мастерами. Идеаль достигнутъ, по крайней мѣрѣ, въ мужскихъ платьяхъ, какъ иностранныхъ, такъ и японскихъ, и естественный вкусъ народа началъ уже проявляться и здѣсь; также будетъ и со всѣми новыми вещами, какія будетъ принимать Японія. Замѣтимъ, что ни одинъ изъ такихъ элементовъ китайской цивилизаціи, которые не могли быть приспособлены не только къ народной жизни, но также и къ національному вкусу, не упрочится въ Японіи; и по аналогіи съ этимъ надо думать, что непремѣнно настанетъ время, когда тѣ произведенія западнаго искусства, которыя Японія можетъ усвоить, будутъ усовершенствованы въ ней и исполнены красивѣе оригиналовъ, благодаря національному чувству красоты японцевъ. Въ передовую эпоху построено много уродливаго, но когда идеаль будетъ, наконецъ, найденъ, то мы можемъ ожидать, что гений расы восторжествуетъ надъ трудностями, которыя нынѣ встрѣчаетъ. Тѣ японцы, которые жили долго въ Европѣ или Америкѣ, проявляютъ ту же самую изящную разборчивость по отношенію къ иностраннымъ предметамъ, какая присуща имъ у себя дома, и рѣдко ихъ можно упрекнуть въ плохомъ вкусѣ. Что вѣрно по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ теперь, будетъ вѣрно и по отношенію ко всей націи, когда европейскіе образцы сдѣлаются достояніемъ всѣхъ.

30) СТРАНИЦА 197-я.

Во внутреннихъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ величіе и спокойство силъ природы производятъ впечатлѣніе на умы крестьянъ, находимъ простое обожествленіе послѣдней и желаніе постоянно умиловать невидимыя силы, которое не такъ явно въ обиходѣ жителей болѣе населенныхъ и цивилизованныхъ частей страны. Такъ, напримѣръ, у подошвы горы, на дорогѣ, которая поднимается вверхъ съ равнины, всегда лежитъ большой камень, на которомъ рѣзко выгравированы слова: «Богу горъ», и который тѣмъ самымъ указываетъ на фактъ, что горами признается сверхъестественная сила. Въ такихъ мѣстностяхъ находимъ у алтарей, стоящихъ близъ дороги, жертвенники съ постоянно возобновляющимися прино-

шеніями прохожихъ. Почти каждый домъ защищенъ кусочкомъ бумаги, висящимъ надъ дверью, — талисманъ, добытый труднымъ паломничествомъ въ какой нибудь замѣчательный храмъ. Сзади и близъ деревенскаго храма можно видѣть грубые соломенные шалаши, защищающіе го хей *, — свидѣтельство обѣтовъ вѣрующихъ, которые надѣются рано или поздно воздвигнуть маленькіе деревянные алтари и тѣмъ снискать покровительство неизвѣстныхъ повелителей человѣческой судьбы. Въ мѣстахъ, гдѣ выючныя лошади составляютъ значительную часть имущества крестьянъ, воздвигаются камни въ честь духа лошади, и уздечки всѣхъ издохшихъ лошадей оставляются на этихъ камняхъ. На нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ вырѣзаны изображенія лошади, несущей на спинѣ го хей, а иногда—грубой фигуры Кваннона, существа съ лошадиною головой,—и передъ ними вѣрующіе совершаютъ моленія духамъ, охраняющимъ живыхъ лошадей. Къ такимъ каменнымъ алтарямъ приводятся лошади, страдающія какими либо болѣзнями, причемъ владѣлецъ лошади или тотъ, кому она поручена, кладетъ свою руку на камень, а затѣмъ—на больное мѣсто лошади. Въ одномъ округѣ, гдѣ среди лошадей разразилась эпизоотія, ея быстрое распространеніе было приписано властями этому обычаю, и всѣ жители были предупреждены объ опасности; но какія послѣдствія имѣло это порицаніе древняго обычая, газеты не сообщали. Въ такихъ мѣстностяхъ они и тенгу ** все еще живутъ въ представленіи народа, и тамъ же старый обычай приношенія цвѣтовъ и плодовъ духамъ смерти, въ теченіе лѣтняго праздника, соблюдается въ высшей степени добросовѣстно. Всевозможные духи умилоствуются такими приношеніями, такъ что даже на пустынныхъ дорогахъ можно найти букеты цвѣтовъ, воткнутые въ расщелины скалы для душъ путешественниковъ, которые умерли на этой дорогѣ.

Въ одномъ горномъ курортѣ, расположенномъ далеко отъ

* Го хей — кусокъ бѣлой бумаги, вырѣзанной и сложенной особымъ образомъ и представляющей одинъ изъ священныхъ символовъ шинтоистовъ.

** Тенгу — крылатое длинноволосое или обладающее клювомъ чудовище, живущее, по представленію японцевъ, въ горныхъ странахъ. Именно отъ тенгу научился фехтованію Іошисунъ—одинъ изъ величайшихъ японскихъ героевъ, который поэтому и владѣлъ шпагой съ почти чудодѣйственными силой и ловкостью. Онъ и—демонъ или домовый.

желѣзной дороги, но имѣющемъ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, благодаря сотнямъ посѣтителей, которые берутъ здѣсь горячія ванны лѣтомъ, мнѣ посчастливилось провести недавно нѣсколько недѣль. Наши прогулки были довольно ограничены въ смыслѣ разнообразія, такъ какъ деревня лежитъ въ почти недоступной горной долинѣ, черезъ которую бѣжитъ прекрасная шоссированная дорога вдоль берега рѣчного русла. Въ разстояніи около полумили за деревней, близко къ дорогѣ, есть маленькая лавочка и чайный домъ, смотрящіеся въ воду рѣки у того мѣста, гдѣ скала носитъ слѣды размыва быстрымъ теченіемъ. Это—прекрасный привалъ послѣ прогулки въ пыли и во время зноя, и почти ежедневно мы отдыхали здѣсь за чашкой чая и ломтикомъ іокана или бобоваго мармелада. Хозяевами этого привала были старикъ и его жена, которые дѣлили свой трудъ между лавочкой и чайнымъ домомъ. Старикъ былъ мастеръ въ изготовленіи художественныхъ изображеній изъ корней. Его жизнь была посвящена поискамъ послѣднихъ на покрытыхъ лѣсомъ холмахъ и обдѣлкѣ ихъ въ животныя или человѣческія формы. Тенгу и онъ, длинноногія птицы и коротконогіе звѣри и другія произведенія его причудливаго воображенія и искусства населяли внутренность маленькой лавочки, и онъ всегда охотно привѣтствовалъ насъ и съ готовностью показывалъ намъ съ гордостью художника свои послѣднія работы.

Его жена, веселая старушка, прислуживала посѣтителемъ чайнаго дома, и какъ только мы сѣли тамъ, страшно суетилась, принося намъ холодную воду изъ источника, который билъ изъ скалы, по ту сторону дороги, и ставила передъ нами крошечныя чашки чая соломеннаго цвѣта и изящныя ломтики іокана, который, какъ мы скоро узнали, былъ спеціальностью этого чайнаго дома. Она была рада поболтать съ нами, пока мы наслаждались отдыхомъ, рассказывая при этомъ много интересныхъ народныхъ суевѣрій и происшествій въ околѣдкѣ. Отъ нея мы узнали, что скала, возвышающаяся надъ деревней, была построена Тенгу много лѣтъ назадъ; но что теперь духи всѣ ушли изъ лѣса, такъ что, хотя она часто старалась подсмотрѣть ихъ ночью, когда выходила закрывать ставни дсма, ей всетаки не удалось увидѣть ни одного изъ нихъ; и даже обезьяны появляются теперь здѣсь рѣдко. Мы узнали также отъ старухи о змѣяхъ въ лѣсахъ и объ удивительныхъ свойствахъ одной изъ нихъ — ядовитой ма-

муши, которая, будучи посажена въ бутылку съ сакэ, общаетъ этому напитку цѣлебную силу. Мы не удивились по этому, когда увидѣли однажды въ маленькой кладовой этого чайнаго дома, куда забрались случайно, двухъ змѣй, уютно свернувшихся въ бутылкахъ, налитыхъ сакэ; одну изъ послѣднихъ можно было приобрести за 75 сентъ, тогда какъ другую, въ которой змѣя, когда ее прятали туда, вонзила жало въ свое собственное тѣло, стоила гораздо больше,—вѣроятно, по причинѣ такого мужества змѣи. Мы не чувствовали нужды въ подкрѣпительномъ въ этотъ день, такъ что оставили мамуши на полкѣ въ кладовой; но, вѣроятно, ея останки сослужили позднѣе свою службу какому либо японцу, который нуждался въ укрѣпляющемъ средствѣ.

Однажды встрѣтивъ насъ, когда мы немножко запоздали противъ обыкновеннаго, старушка пожалѣла что мы не пришли немного раньше, такъ какъ тогда увидѣли бы большую черную змѣю—вѣстника живущаго въ этихъ горахъ бога, который зачѣмъ-то посылалъ ее сюда... Эта добрая старая женщина съ ея ласковымъ лицомъ, пріятными манерами и привѣтливымъ дребезжающимъ голосомъ, своею твердою вѣрою въ сверхъестественное поставила насъ лицомъ къ лицу съ дѣйствомъ нашей расы и возбудила въ насъ симпатію къ той фазѣ культуры, въ которой вся природа окутана непроницаемымъ покровомъ тайны.

31) СТРАНИЦА 213-я.

Каждый годъ видишь все больше и больше магазиновъ, усваивающихъ привычки точнаго назначенія цѣнъ, уже не допускающихъ скидки.

32) СТРАНИЦА 228-я.

Другой случай обращенія къ предсказателю касался вопроса о бракѣ, и могущественный устроитель человѣческихъ судебъ открылъ, что всѣ обстоятельства благоприятны для брака, но что для блага жениха невесту надо было бы искать въ части города, противоположной той, гдѣ живетъ онъ. Это было нелегкое дѣло, такъ какъ невеста была изъ благородной фамиліи, и разрывъ договора возбудилъ бы много непріятныхъ для обѣихъ сторонъ тревогъ и толковъ; но, съ другой стороны, семья жениха не осмѣливалась игнорировать опасность, такъ таинственно возвѣщавшуюся предсказателемъ. Въ та-

комъ положеніи ничего не оставалось дѣлать, какъ по возможности «навести» туманъ на глаза боговъ. Для этой цѣли невѣста, со всѣмъ ея приданымъ, была отправлена наканунѣ свадьбы изъ дома ея отца въ домъ дяди, живущаго въ другой части города; и утромъ, въ день свадьбы, она пришла къ мужу изъ квартала, со стороны города, вполне благоприятной для ихъ брачной жизни». Кажется вполне вѣроятнымъ, что боги удовлетворились этимъ прозрачнымъ подлогомъ, потому что никакое серьезное зло не постигло молодую чету въ теченіе трехъ лѣтъ, протекшихъ послѣ того.

33) СТРАНИЦА 263-я.

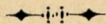
Американца такой способъ разрыва отношеній всегда разсердилъ бы и озадачилъ бы; но въ Японіи всякое неудобство считается менѣе непріятнымъ, чѣмъ проявленіе дурныхъ манеръ. Если вы хотите научиться быть «хорошимъ японцемъ», то должны терпѣливо подчиняться необходимости, когда слуга, торжественно обѣщавшій придти въ назначенный часъ, не исполнить этого, а пришлетъ вмѣсто того письмо съ извѣщеніемъ о своей болѣзни; или когда прислуга, которая договорилась сопровождать васъ на слѣдующій день въ деревню, получаетъ телеграмму, призывающую ее къ постели миоческаго сына, и уходитъ со всей своей поклажей моментально, оставляя бывшую госпожу справляться, какъ ей угодно.

34) СТРАНИЦА 264-я.

Изъ многихъ перемѣнъ, совершившихся въ Японіи съ переходомъ отъ феодализма къ условіямъ современной жизни, нѣтъ ни одной, о которой бы японскія дамы сожалѣли болѣе, какъ о перемѣнѣ условій въ вопросѣ о прислугѣ. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени женщинамъ открываются новые пути заработка, дѣлается все труднѣе и труднѣе найти служанокъ стараго времени—вѣрныхъ, преданныхъ и умныхъ. Не смотря на увеличенную плату, по прежнему еще превосходное обращеніе съ прислугой, комфортабельное помѣщеніе для нея и легкость работы, — даже въ богатыхъ домохозяйствахъ трудно заполнить вакансіи... И теперь въ Японіи вопросъ о прислугѣ сдѣлался такою же злобою дня, какъ и въ Америкѣ.

Н. П. А.

ОЧЕРКЪ
современнаго состоянія образованія
ВЪ ЯПОНІИ

ПРЕДИСЛОВІЕ

При составленіи настоящаго очерка авторъ, кромѣ личныхъ наблюденій и свѣдѣній, собранныхъ имъ во время пребыванія въ Японіи, пользовался нижепоименованными источниками, изъ которыхъ первые три—японскіе; четвертый составленъ подѣ наблюденіемъ постояннаго комитета коопераціи христіанскихъ миссій; въ Японіи пятый принадлежитъ перу извѣстнаго знатока этой страны, хорошо ознакомившагося съ характеромъ японскихъ студентовъ въ качествѣ заслуженнаго профессора филологіи въ Токийскомъ университетѣ. Среди остальныхъ источниковъ трудъ Вёлерса заслуживаетъ вниманія, несмотря на свою односторонность, потому что онъ содержитъ ссылки на многочисленные официальные документы.

Авторъ очерка въ усиліяхъ подойти возможно ближе къ истинѣ не пожалѣлъ времени на тщательное сопоставленіе между собой данныхъ и мнѣній, подчерпнутыхъ имъ изъ столь разнообразныхъ источниковъ, а также на провѣрку, на основаніи ихъ, своихъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній. Насколько удалось ему это, пусть судятъ люди, лучшеего знающіе дѣло.

Источники: 1) Twenty-ninth annual Report of the Minister of state for education, for the thirty-fourth statistical year of Meiji (1901—2). Translated and published by the Department of education. Tokio, Japan. 1903.—2) The Tokio Imperial University Calendar. 1901—1902.—3) Résumé du Calendrier de l'université impériale de Tokio 1899.—4) The christian movement in its relation to the new life in Japan. Yokahama. Published for the standing committee of co-operating christian missions. 1903.—5) Things Japanese, by Basil Hall Chamberlain. London 1902.—6) Japan in Transition by stafford Ransome. London & New-York 1899.—7) Notice sur l'organisation actuelle de l'instruction publique au Japon (publiée pour l'exposition de 1900). Paris.—8) Weulersse. Le Japon d'aujourd'hui.—Etudes sociales. Paris 1904. 9) The Peoples and Politics of The Far East; by Henry Norman. London 1901.

ВВЕДЕНИЕ

Въ Японіи первые законы по вопросу объ образованіи были изданы въ началѣ VIII-го столѣтія, въ царствованіе императора Момбу; требованія, устанавливавшіяся ими, были невелики и относились только къ небольшому кругу придворныхъ чиновъ; но „каждое дерево вырастаетъ изъ зерна“, и упомянутые законы съ ихъ узкою задачей постоянно совершенствовались, требованія ихъ расширялись и скоро обняли весь классъ самураевъ, положеніе котораго можно приблизительно опредѣлить, какъ среднее между тѣмъ, какое занимали въ Англіи рыцари и эсквайры на службѣ у бароновъ во времена феодализма.

Образованный самурай долженъ былъ обладать въ то время обширными свѣдѣніями въ этикетѣ, наѣздничествѣ, стрѣльбѣ изъ лука, музыкѣ, чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ,—т. е. въ предметахъ, изъ которыхъ послѣдніе четыре отнюдь не считались необходимыми для современнаго ему британскаго рыцаря.

Рядомъ со свѣтскимъ образованіемъ распространялось духовное, которое въ средніе вѣка было въ рукахъ буддійскаго духовенства. Храмы были и школами, причемъ главнымъ предметомъ изученія въ нихъ были буддійскія сутры. Во времена господства династіи Токугавы, возвысившейся до шогуната (1603—1867), такое положеніе дѣла измѣнилось; образованные классы обратились въ конфуціанство, и многіе представители ихъ выучивали наизусть, согласно указаніямъ конфуціанскихъ классиковъ, „четыре книги“ и „пять каноновъ“ съ такою же добросовѣстностью, какъ и въ самомъ Китаѣ; однако этимъ они не ограничивались, а считали необходимымъ знать также отечественную исторію и литературу.

Къ тому же времени относится учрежденіе даи-

міями въ своихъ владѣніяхъ школь для дѣтей дворянъ и высшихъ чиновниковъ, а также учрежденіе частными лицами свободныхъ школь, доступныхъ для всѣхъ классовъ населенія. Нѣкоторые любознательные ученики этихъ школь, подѣ вліяніемъ общенія съ голландцами въ Нагасаки, находили путь къ чтенію голландскихъ книгъ,—которыя выпрашивали и даже покупали на вѣсь золота у иностранныхъ купцовъ,—ища въ нихъ „сокровища медицинскихъ и другихъ знаній“. Но такія попытки изученія европейской науки должны были держаться въ большомъ секретѣ и сопряжены были съ большими трудностями, потому что правительство того времени преслѣдовало все иностранное, такъ что ревностные труженики науки платили нерѣдко жизнью за свои увлеченія ею.

Только въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ того „открытія“ Японіи для Америки и Европы, которое положило начало ея международному возвышенію, дѣло измѣнилось, такъ что уже и до революціи 1868 года изученіе иностранныхъ языковъ, особенно англійскаго, молчаливо допускалось, и даже возникло обширное частное учебное заведеніе по западнымъ образцамъ, о которомъ сказано ниже.

Съ 1868 года японское правительство начинаетъ принимать на себя систематическое попеченіе о народномъ образованіи и въ 1871 году учреждаетъ для выполненія этой функціи министерство народного просвѣщенія.

Эта дата и можетъ считаться временемъ начала организаціи въ Японіи образовательной системы по современнымъ западнымъ образцамъ, — организаціи, введенной въ жизнь этой страны трудами лицъ, которыя были предварительно командированы въ Европу и Америку для изученія постановки образованія въ передовыхъ иностранныхъ государствахъ.

Первымъ послѣдствіемъ трудовъ новаго министерства было изданіе закона о народномъ образованіи, по существу почти тождественнаго съ дѣйствовавшимъ въ то время въ Соединенныхъ Штатахъ.⁴

Эдиктъ микадо (1872 г.), разъясняющій цѣли новой системы образованія, интересенъ во многихъ отно-

шеніяхъ и особенное обращаетъ на себя вниманіе слѣдующими строками:

„Всякія знанія,—отъ существенныхъ въ обыденномъ обиходѣ каждаго до высшихъ, необходимыхъ для образованія офицеровъ, чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ, врачей, ремесленниковъ и т.п., приобретаются путемъ изученія соотвѣтственныхъ наукъ. Законъ имѣетъ въ виду такое распространеніе образованія, при которомъ не могло бы быть деревни съ неграмотнымъ семействомъ и семейства съ неграмотнымъ членомъ“.

Такое широкое намѣреніе закона нельзя, однако, не назвать въ то же время и довольно смѣлымъ, и оно указываетъ скорѣе на идеалъ, не достигнутый ни въ одной еще странѣ; не достигнуть онъ, конечно, и въ Японіи; но, ознакомившись съ тѣмъ, что сдѣлано тамъ до сихъ поръ въ этомъ направленіи, во всякомъ случаѣ приходится сказать, что она не теряетъ этого идеала изъ виду и энергично работаетъ на пути возможнаго приближенія къ нему.